

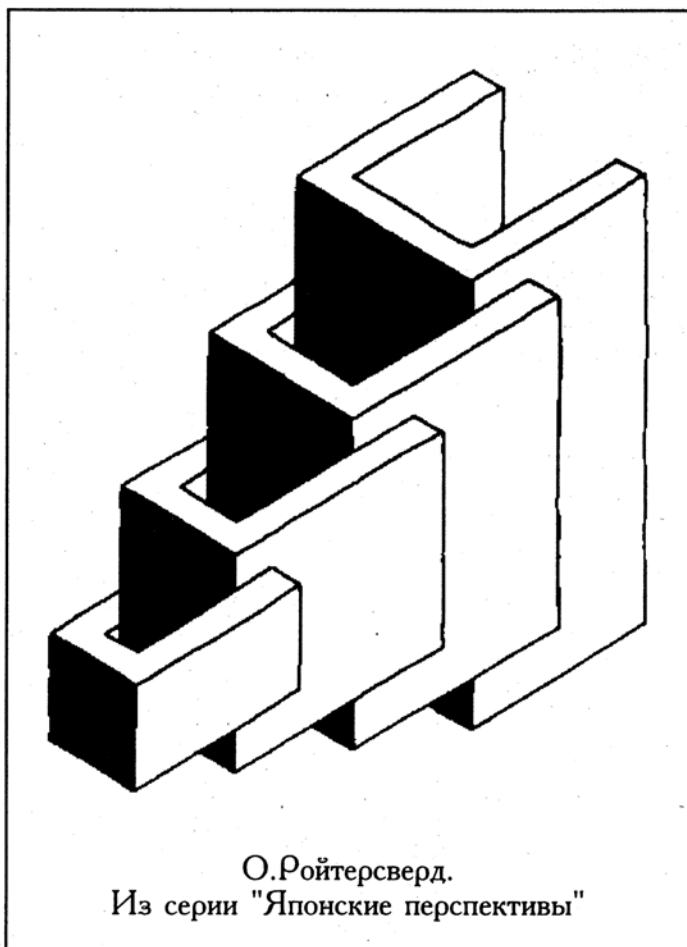
лась!") и "ненароком" проливает на белое нечто красное из бутылки, делая периодически глоток; 2. Может быть, та же Литвак, но уже в красном платье, моет кому-то ноги шампанским, затем наливает шампанское обратно в бутылку...

Вам стихово? Это ведь даже не игра без мяча из "Blow Up" Антониони. Но присутствующие при этом (жесткий закон тусовки) с энтузиазмом делятся "странными ощущениями" и "новыми смыслами"... Казалось бы: с богом! Если бы только такая капитуляция не выступала под маской агрессии, следуя (силаясь следовать) совету Л.Фидлера быть "иронической, непочтительной и вульгарной".

2
При всех нелепостях и даже благодаря им, постмодернизм демонстрирует одну непреложную истину: несостоятельность человека как целого. Разумеется, это не биологическое вырождение, хотя продолжительное отсутствие социального бытия сказывается и на анатомии человека. Исследования М.Розенцвейга показали, что у крыс, выращенных в обогащенных лабораторных условиях кора мозга развита лучше, чем у крыс, выращенных в пустых и тесных одиночных клетках. На дендритах корковых нейронов крыс, живших в сложной среде, больше шипиков, и синаптические соединения у них гораздо крупнее, а число синапсов больше, чем у крыс, выращенных в изоляции. Негативные явления сопровождали человека всегда, и они же - единственное, что побуждало его мыслить реально. "Мне надо радоваться, чтобы жить", - признавалась Цветаева. Сегодня у нас нет сил на отчаяние. "Вот когда и горевать не в состоянии, // Это, Александр Сергеевич, много тяжелей". Конечно, это - упадок, но одновременно - как будто катанье на саночках с горки: ух, стихово!

И все исчезнет невосвратно
Не в очистительном огне,
А просто - в легкой и приятной
Венецианской болтовне. (В.Ходасевич)
И - нет! - это не "упоение в бою и бездны мрачной на краю". "Бездны" оставим адептам

Даниила Андреева: хоть мы и прочли "Розу Мира", но это - лишь ИМЯ РОЗЫ. Нет, нам не страшно, и мы хихикаем, как недоросли на тусовке. Но что может быть скучнее индустрии развлечений! Отсюда и вялые - нет, не порывы, а жесты порывов в донизовое ли?.. заязыко-

О.Ройтерсверд.
Из серии "Японские перспективы"

вое?.. нечто, по следу следов: трансформация... трансмутация... транс-скрипция...некая "никакая" поэзия. Просто - транс... скрипция... Не расчленять же и в самом деле - кусок за кусочком! - тела влюбленных! (Батай)
"На нас ежедневно обрушивается поток ин-

формации!" Полноте: и информация ведь "никакая", то есть никакая не информация, и мы, как курортники в Мертвом море, вяло колышемся на (правда, довольно пресной) поверхности моря словес... "Мать Божия разлуки, / / ненавижу все, что есть!" - воскликнул когда-то Борис Куприянов. Но что - ЕСТЬ? Никакая информативность никаких стихов, сблывающихся в никакую "массу" массы никаких "элит", напяливающих - каждая - "необщее выражение лица", которое выражает, чем Генис предлагает, пятась, влезть в Европу?.. Кажется, "действует" только второй закон термодинамики, и тепловая смерть, которую предрекали постмодернисты, "свершилась". Избранные справа и слева третируют Рейна за то, что "он, как чукча, описывает все, что видит". Но лучше слыть чукчей, чем избранным.

Открываю шторы -
Октября второе.
Рассветает. Что вы
Сделали со мною?
Автор таких строк, конечно, не "элитарен". И именно Рейн, чьи стихи изобилуют аксессуарами вещного мира, давным-давно сформулировал:
Под северным небом яснее всего,
Что нету совсем ничего. Ничего.
А самый, может быть, красноречивый из всех, обращающийся и к мухе и к небожителю с огромными (по нынешним меркам) речами, только и сказал: о жизни, что "она была долгой", о будущем, что "нас будет больше". И самое "аутентичное описание" Волги я обнаружил не у Николая, а у Всеволода Некрасова: "Увидеть // Волгу // и ничему не придти // в голову // ну // можно // такому быть // или Волга не оного // стала // но // воды много".
Что ж, помашем реальности вслед и, отвернувшись, исчезнем сами? Или попробуем отрачивать ШИПИКИ?

ПОЭЗИЯ "ЦИРКА"ОЛИМП

Виктор Кривулин

Из цикла "Музыкальное приношение к ограде комаровского кладбища"

II. КОНЦЕРТ ПАМЯТИ СЕРГЕЯ КУРЕХИНА

1. Largo. Не покидая театра

в осколках музыки и в зарослях фанеры
в лесу из безнаказанной фольги
девицы пляшут как милиционеры
и чертят красные восьмерки и круги

театр живет закрытый за долги
подобьем жизни внутренней без веры
что там за стенами и крики и шаги
и даже выстрелы и офицеры, офицеры...

театру все равно друзья или враги
он как привязчивый блуждает за брэнчаньем
невидимой, но абсолютной зги

он что-то спрашивает - мы не отвечаем
он за плечи трясет но в пар его руки
не слишком верится - так за вечерним чаем

включая новости сознание отключаем
и в точку, в точку, в пол, под сапоги

2. Andante furioso. Сон Орфея

не среди ли равнины
где высился певческий дуб
наследили колеса и траки
и срывая мелодию с мертвенных губ
рвут на части ее
и от запаха крови дуреют
от воздуха драки

о рванина смыслов перепаханная
пьедесталы с педерастами и феями
среди парка охраняемый собаками

спит орфей и замороженные звери
норовят поближе подбираются
к ложу убранному розами

сон орфея - это все мы словно умерли
словно тени движемся
под звездами сверхновыми
и неважно - в тишине ли в шуме ли -
не слышны слова
одни деревья-стриженцы

их ветвями слабыми навеенное
разбросалось небо над орфеем
что ни говори а небо все-таки
хоть и начерно, и неуверенно
из какой-то драки соткано
кое-где уже и продрано

3. Allegro vivace. Смерть Орфея

смерть лошадка смерть мотоциклистка
смерть орфея
в крагах и в очках летающая низко
над землею

стой лошадка
стой скажи мне
при каком еще режиме
под каким еще царем
обомлеем обомрем

в поле зрения кортежа
кожа никель черный лак
провожающие те же
те же руки в зеркалах

но когда ищу глазами -
никого не узнаю
это ведь игра: я замер
прислонясь к небытию

и меня как будто нету
да и некому искать
в том лесу где вечно лето
птичья свара благодать